

ЕСТЬ ЛИ У НАС ШАНСЫ ВОСПИТАТЬ ПОДРОСТКА СЕГОДНЯ?

О внутренней стороне подросткового кризиса

А. ГАРМАЕВ

Озабоченные учебным процессом, учителя не всегда и помнят о том, что у каждого ученического возраста есть свои потребности. И даже если они не заявляют о себе напрямую, поведение учеников зачастую определяет именно эта, не зримая глазу, нижняя часть айсберга.

Знают ли учителя, чего они ждут от них? Что какому возрасту важнее? Каким путём укрепить отношения между учителем и учеником, а что, вопреки самым благим намерениям, способно их разрушить?

Но если взрослые не желают этого знать, то стоит ли удивляться, что ученики порой перестают видеть в педагоге человека, а видят лишь надсмотрщика, от которого надо держаться подальше или загородиться формально выполненными поручениями, зная, что за этот частоклассный руководитель так и не догадается заглянуть. А что там за частоклассом, какие школьные драмы и подростковые трагедии — порой выясняется, когда помочь уже трудно...

До 12 лет в ребёнке происходит запечатление внутреннего образа действия и внешнего поведения взрослых людей. Как поступают взрослые — так и ребёнок. Он всей душой и зрением открыт тому, чтобы брать и брать пример со взрослых.

А с 12 лет начинается период самостоятельности, когда ребёнок должен на собственных поступках проверить и утвердиться в том, что он запечатлел. С легкой руки журналистов этот период назван периодом самоутверждения. На самом деле это неправильное название. Внимательный анализ показывает, что главное психологическое содержание этого возрастного периода не самоутверждение, а проявление самостоятельности.

[109 - 116]
Сценарии
и алгоритмы

130

Активизация эговлечений

Чуть позже, в подростковом возрасте, происходит сильная активизация всех эговлечений. Правда, степень проявления их различна. Но независимо от степени и силы, эговлечения гордости, тщеславия и сексуальности проявляются в обязательном порядке. Из-за гордости будет происходить обретение себя в группе. Обязательно произойдет интенсивная эротизация внутренних переживаний. А из-за тщеславия подростку становится важно быть принятым окружающими людьми.

Воспитательная работа в школе 9/09

Тщеславие — влечение к положительному мнению окружающих людей — в подростковом возрасте особенно активно. В первую очередь, оно осуществляется через проживание своей внешности. Подросток не способен воспринимать себя внутреннего, то есть ценности души им не слышатся. Он реагирует только на ценности внешней красоты.

А чтобы подросток был на уровне внешнего приятия, его тщеславие требует многого. Для этого сегодня требуются дорогая одежда, «крутой» мобильник, иномарка. Подростку кажется, что если у него это всё будет, то он внешне принят. Он настолько сильно переживает самого себя через внешность, что сливается с нею в одно целое.

Комплексы

Конечно, не все имеют столь раздутое тщеславие, чтобы рваться к иномаркам в таком возрасте. Но относительно своей внешности начинаются самые тяжелые комплексы. Подросток жил себе спокойно, например, с бородавкой на щеке, а тут вдруг однажды подошёл к зеркалу и её обнаружил. И с этого момента начинается мука.

Заходит в троллейбус, там кто-то захихикал, а у него ощущение, что это по поводу его бородавки. Заходит в класс, а там — га-га-га, и у него такое ощущение, что здесь только что обсуждали его бородавку. И он готов сбежать или что-то с этой бородавкой сделать. Он готов её срезать, да нельзя. Он знает, что после этого может начаться заражение, — его мама предупредила. И мука — оттого что удалить бородавку нельзя, а из-за неё он непринимаем здесь, там, тут.

Причем не принимаем он один раз, а ему кажется — десять раз на дню. Но этого различия — один или десять — он в себе не знает. Он видит все ситуации как непринятие себя окружающими. В результате начинается наработка комплекса неполноценности. Так вот, комплекс неполноценности это и есть результат только одного-единственного — тщеславия.

Срывные реакции

При этом подросток хочет состояться через принятие себя другими людьми во множестве видов деятельности, и поэтому он активно их ищет. Но даются ли ему эти виды деятельности в тех условиях, которые мы ему задаём? Ведущая деятельность, которой он занимается, — это учебный процесс. А у него, предположим, средние умственные способности, и он не может тянуть на «4» и «5», только на «3».

И вот про него сказали «троечник». Сказали раз, сказали два. Сказали в классе, на родительском собрании, в целом по школе. Он хочет состояться и не может. Идет интенсивное проживание себя, несостоявшегося. Если способности средние, а тщеславие большое и притязания высокие, тогда развивается мощный комплекс неполноценности, заворот в самого себя. Идут срывные реакции. Он вдруг закатывает истерику в школе, закатывает истерику дома и вырывается из этого истерическим способом, то есть просто отказывается от всякой деятельности.

Своя ниша

Оставшись наедине с собой, старшеклассник пытается реализовать в свободной среде подростковой компании и там вдруг обнаруживает, что его принимают. Лидер уличной группы превращает его, подростка со средними способностями, в собственного секретаря. Став такой пешкой при дворовом лидере, он чувствует себя нормально, потому что лидер не только использует его как пешку, но и приближает к себе. И если у парня назревают осложнения с кем-то другим, лидер защищает свою пешку.

Эта приближённость к лидеру даёт какую-то защиту. Тщеславие подростка удовлетворяется, его начинают принимать, он становится чем-то. С этого момента он нашёл свою нишу. Теперь в учебном процессе его точно не будет, а в процессе уличной подростковой жизни он будет чувствовать себя более уверенно со всеми своими средними способностями.

В результате всякий момент неучитывания тщеславия ребёнка в подростковом возрасте неизбежно выщёлкивает его из деятельности, которую мы, взрослые, пытаемся для него организовать.

Обретение советности

12–14 — это возраст обретения советности со взрослыми людьми. Однако в своих пробах подросток должен иметь внутреннюю свободу. Взрослый может только лишь подсказать ему: «Пойдѐшь направо — будет так, а пойдѐшь налево — эдак. А дальше решай сам, как быть». И тогда подросток вдруг начинает взвешивать свою позицию.

Там же, где педагог требует поступать по правилам, по своему усмотрению о правде, — там ребёнок сразу уклоняется в сторону. А учителю это не нравится: вот какой вредный, упрямый, дерзкий.

Советность впервые закладывается в возрасте 5–7 лет, в период послушания. Дети тянутся к взрослым, многое хотят проверить через взгляд взрослых людей. Но если мы не даём ребёнку возможности идти собственным путём, то он вообще не станет слушаться. У него появится ощущение, что взрослые постоянно назидают, а правы они или нет, становится неважным.

Пусть подросток делает по-своему, как ему вздумалось. Но пусть всегда наперед знает, что родитель советовал другое. У ребёнка должны быть не огульное отторжение взрослого и действие по совершенно самостоятельной позиции, но постоянная оглядка на совет взрослого. И тогда к 16–17 годам вы увидите удивительную картину: он начнет прислушиваться к мнению своих родителей и авторитетных для него педагогов. Активная интеллектуализация этого периода позволяет быть очень внимательным к словам взрослых. И если педагог (или родитель) умеет сказать, то это будет услышано, более того — воспринято.

Другое дело, если взрослый, сказав, начнѐт настаивать на своем. Тогда у подростка сразу же возникнет реакция отторжения. Поэтому для этого возраста существует правило: *педагог пусть скажет один, максимум два раза, но третье напоминание уже не годится*, потому что оно сразу работает на раздражение. Малейший привкус раздражения снимает весь первый посыл.

[109 – 116]
Сценарии
и алгоритмы

132

Право неправильного выбора

У взрослого, для которого самостоятельность ребёнка — синоним его развития, право выбора становится центральным педагогическим средством. А выбрать — это значит взвесить то или другое и, взвесив, решить. Не надо бояться, что ребёнок выберет неправильно, он всё равно уткнется в тот отрицательный результат, о котором ему было заранее сказано. Он не поверил, пошёл и увидел свою ошибку. Зато в следующий раз прислушается.

Именно в этом возрасте — от 12 до 14 лет — дети обретают первый опыт самостоятельного движения по совету взрослого. Важно только обеспечение этого совета. И удивительно, что у мудрых взрослых, которые тонко знают этот момент развития подростка, первое движение — это всегда разрешение.

Ребёнок спрашивает:

— Можно?

— Можно. А как ещё можно? Как ты думаешь, можно как-то по-другому?

— Не знаю.

— Смотри, можно ещё так. И будет при этом такой-то результат. Выбери.

Вот, казалось бы, очень простой разговор. Но он возможен только там, где взрослый внутренне свободен от требования к ребёнку действовать только по его усмотрению и никак иначе.

Интересно, что в первый момент подросток может прийти в некоторое недоумение — для него такое поведение педагога в новинку. Ведь до 12 лет он сам шёл ко взрослому за тем, чтобы ему точно сказали: делай так и никак по-другому. И внутренне он был к этому готов — такова была фаза его развития. А вот с 12 лет он уже готов к самостоятельности. И когда педагог даёт ему эту возможность, для подростка это необычно.

Первое время дети будут выказывать недоверие такому взрослому, но это продолжается буквально месяц, настолько активен этот возраст. Через месяц подростки уже начнут осваиваться с умением выбирать и взвешивать множество вариантов.

Самым непримиримым детям, как раз для того чтобы снять их жесткость движения в жизни, мудрые педагоги предлагают всегда даже не два варианта, а сразу четыре–пять. Ребёнок сначала теряется, а потом начинает всерьёз задумываться: а почему тот или другой вариант? Получив результат негативный, он непременно вспомнит то, над чем думал. Если же первым делом он столкнется с запретом взрослого, то немедленно развернётся в другую сторону и пойдёт в своё самостоятельное. А получив отрицательный результат, не вспомнит слова взрослого.

Дефицит взрослого общения

Если в 7–10 лет ребёнок запечатлевал учебную деятельность как таковую, то в 14–17 он переходит на более глубокий план интеллектуального осмысления всех событий, которые в жизни происходят. Оказывается, у всякого подростка есть внутренняя, очень глубокая потребность во взрослом человеке. Без него никакого осмысления осуществить нельзя.

133

Сведения
об авторах
[143 – 144]

Идеальный вариант, когда таким взрослым для мальчика становится его отец, а для девочки — мать. При этом одновременно есть целый ряд вопросов, которые девочка должна решить не с матерью, а с отцом, а мальчик должен решить именно с матерью. Если в семье всё складывается нормально, то тогда мир между родителями и детьми дает подростку возможность правильного осмысления жизни и всех событий, которые происходят вовне.

Но поскольку сегодня преобладает ситуация прямо противоположная, то есть большинство семей не дает возможности такого общения, подросток принимается искать взрослых за пределами своей семьи. Увы, за её пределами он сталкивается с такими же взрослыми, как и его родители. В результате одна из трагедий нашего времени — дефицит взрослого общения у подростков, острейший дефицит.

Надлом

Некоторое время безуспешно поискав взрослых, такой подросток делает переворот внутри себя. Это подсознательное явление, при котором он разворачивается в подростковую среду. Но это на внешнем плане. В то же время на внутреннем плане сохраняется очень глубокая потребность в тонком, интимном общении со взрослыми. Именно один на один, не в массе, потому что именно в этом возрасте возникают вечные вопросы — жизнь и смерть, бесконечность и конечность, любовь и ненависть. И эти пороговые проблемы, которые ставят на грань разлома само восприятие жизни, эти тончайшие вещи подросток должен проговорить со взрослым наедине.

Но эта тяга, как правило, не удовлетворяется. Подросток начинает присматриваться то к одному, то к другому взрослому. В этом возрасте дети очень доверчивы. Они не различают, где ложная заинтересованность (взрослый «зарабатывает себе» подростка), а где истинная. Поэтому подросток открывается первому, кто проявил к нему внимание. Так набирает силу ещё одна трагедия, распространённая в наши дни, — надлом вот таких доверчивых подростков. Большинство из них через это обязательно проходят.

Открываются они чаще всего на учителя. Но сегодня учитель занимается, в основном, предметом, выполняет функциональную задачу. Он предметно-функционален и поэтому как человек часто не знает самого себя. Для того чтобы учителю пробудиться как человеку, ему необходимо произвести внутренний переворот в самом себе. Это очень болезненная и тяжёлая для самолюбия функциональная задача.

А подросток всегда открывается искренне. И случается сбой, осознание ошибки, в результате которой происходит мощнейшее отторжение подростка от всего учительства в целом.

Цинизм поневоле

Глубокая, тонкая структура человеческого Я в подростковом возрасте способна особенно чётко различать состояния людей. С одной стороны, он вроде бы доверчив и легко откликается. Но как только он обжётся, всё его общение со взрослыми — вместо углубляющейся открытости и искренности — переходит в

состояние очень тонкого различия, кто есть кто. И вместо того чтобы становиться человеком, он превращается в психолога.

У взрослых острота ощущения окружающих людей пригашена, а у подростков она очень обострена. И, ожегшись, подросток начинает чётко раскладывать: вот с этим учителем сотрудничать можно, вот с этим — только в таких-то обстоятельствах, а вот с этим — ни-ни. Там, где такой психологический расчёт особенно чётко выражен, возникает ощущение, что общаешься с циником. А на самом деле это цинизм поневоле.

Взрослый лидер группы

В подростковой среде идет интенсивное формирование групп. Такое групповое поведение особенно выражено именно в возрасте 14–17 лет. К 19 годам оно становится меньше. В возрасте 17–19 лет юношество уже начинает внутренне определяться и выбирает строго референтную группу, то есть свою группу.

Иногда юноша может развиваться, не очень-то и переживая, что он один. Во всяком случае, у него хватает сил, чтобы не тянуться в группу любой ценой. В возрасте 14–17 лет подросток так ещё не может. Он стремится в группу, потому что это единственное место, где он обретает внутреннюю опору. Поэтому идет интенсивное формирование группового общения как такового. И если взрослый будет опираться на ценности группы, поддерживать и отталкиваться от них, то он становится лидером для этой группы.

Кто такой лидер для подростка? Лидер — не тот, кто административно завоевал свою власть (это администратор), а тот, кого заслуженно избрали. Подростки выбирают взрослого по принципу поддержки их собственных ценностей. Если какой-то взрослый поддержал их ценности, они думают, что он их понимает. И тогда начинается общение с этим взрослым на групповом уровне. В результате могут появиться удивительные подростковые клубы, спортивные секции, музыкальные группы.

Но это на внешнем плане. Не надо забывать, что существует ещё и внутренний поиск личного общения. Подросток может пытаться завязать свой контакт с лидером. В этом случае, как правило, на уровне группы всё идет прекрасно, а на уровне личного общения может не получиться. Тогда снова происходит внутренний сбой. При этом школьник может оставаться в группе и принимать её лидера.

Часто таким лидером оказывается классный руководитель. Весело и здорово ведёт он свой коллектив, и вырваться из-под его влияния невозможно, потому что внутренние требования группы всё равно ведут подростка в класс. Но при этом на глубинном плане он свою проблему не решает.

Уголовная справедливость

Очень значима правда отношений с подростками. И там, где эта правда возникает, — там они за взрослым готовы пойти хоть на край света. И этим, к сожалению, пользуются старшие подростки при воздействии на младших. Подростки 15–17 лет, желая использовать силы детей 12–14 лет в своих личных интересах

и зная упомянутые закономерности, сначала дают им возможность выбирать, а потом жёстко наказывают за неправильно сделанный выбор и так поступают каждый раз. В результате дети усваивают вполне понятную им систему справедливости.

Исследования показали, что дворовый мир опирается на законы справедливости и четкие требования ответственности за свои действия. Отсюда главный закон: дал слово — исполни. Когда-то в ходу было такое понятие — слово чести. Слову чести изменить нельзя, а кто изменит — честь теряет.

Однако слово чести, бывшее в прежние времена нравственной опорой в социуме, при переходе к авторитарному способу руководства ушло в зону анти-социального, в зону улицы. При этом оно уподобляется нравственному поступку. Весь преступный мир держится на этом законе чести, ответственности за свое слово, ответственности за то дело, за которое взялся. Здесь опять же непременно всегда дано право выбора. И за неправду действия неизбежно следует жёсткое наказание.

Административная несправедливость

В отличие от дворовой в системе воспитательно-административной первая ступенька не предусматривается вообще, то есть право выбора не дано. Разве что в рамках представлений воспитателя: вот здесь, пожалуйста, выбирайте, а за пределами коридора моих представлений права выбирать никому не дано.

Но когда нет первого действия — права выбора, тогда второе действие — наказание за неправду действия — не имеет смысла и чаще всего вызывает чувство обиды и несправедливости. Это действительно несправедливо, потому что подросток начал исполнять действие, которое сам не выбирал, которое ему было дано директивно. И затем, выполнив его неправильно, он ещё и получает за него нагоняй.

Естественно, возникает чувство обиды: «При чём здесь я?» Когда предлагается только одно действие, то сразу первая же реакция исполнителя: «А почему я? Пусть лучше другой». Потому что идёт немедленная экстраполяция к наказанию: «Теперь с меня спросят». Ребёнок, исходя из прошлого опыта, заранее реагирует на конец задания, а не на начало. А нам по незнанию кажется, что он нас понял и вот сейчас откликнется.

[109 – 116]
Сценарии
и алгоритмы

136

Шансы есть!

На вопрос «Есть ли всё же шансы воспитать подростка сегодня?» ответу сразу: шансов много, и они большие. Основных два.

Первый — *необходимо удовлетворить глубинную потребность подростка в личном общении*. Это самый сильный шанс. Вы сможете передать ему истинные ценности, если в личном общении произойдёт контакт. И тогда никакие внешние ценности не будут работать. Перед этой глубинной потребностью все остальные потребности подростка окажутся поверхностными.

Если же этот шанс не реализуется из-за наших личных трудностей, если мы не готовы к такой полноте общения с подростком, тогда остаётся надежда на второй шанс. Это *организация групповых ценностей*, выход на доверие с группой и

работа с группой, постепенное выведение её через групповые ценности на всё более глубокие, то есть на душевные свойства.

Еще более глубокий уровень — *уровень совестливости*, который соприкасается с уровнем духовности человека. Постепенно возможен выход на такой уровень, но это труднейшая работа с группой. Макаренко шёл именно так, Сухомлинский. Всякий педагог, который работает с группой эффективно, работает именно таким образом.

Правда, педагог может опираться и на горизонтальные ценности. Пожалуйста, можно и так двигаться. Но реальное обретение ценностей — это движение по вертикали, по глубине. Это обязательно движение к духовным ценностям, то есть к самой глубине человеческого Я. А эгоценности существуют по горизонтали. В этом и заключается противоречие современной жизни. Только тогда, когда сам педагог начнет жить и развиваться по вертикали, его слово начнёт давать эффект вертикали и в его учениках.

137

Сведения
об авторах
[143 – 144]